

«Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии»...

Так писал В. И. Ленин, нередко сам цитировавший в своих трудах высоко почитаемого им сатирика. Его с большим интересом читал в подлиннике Карл Маркс. Щедриным зачитывалось передовое русское общество...

Один из столпов критического реализма в русской литературе, М. Е. Салтыков-Щедрин обогащает эти традиции разящей силой сатиры. Недаром же так высоко ценил его и А. М. Горький, отметивший, что Щедрин облегчает понимание России второй половины XIX века...

Революционный демократ, Щедрин эволюционирует в своем мировоззрении. В молодости — под прямым воздействием Белинского и Герцена, в зрелые годы — Чернышевского и Добролюбова. В органической связи с революционно-материалистическим мышлением развиваются эстетические взгляды Щедрина, образуя единую, стройную концепцию, по боевому духу родственную эстетике «неистового Виссариона».

Размышляя о вопиющих нуждах народа — крепостного и «освобожденного», — о его просвещении, Щедрин уделяет особенно в молодости пристальное внимание театру, который вслед за Гоголем считал важнейшей и благороднейшей общественно-воспитательной трибуной.

Театр рассматривается им начиная с конца 50-х предре-

МНОГОГРАННОСТЬ ЕГО ТАЛАНТА

форменных лет. И далее в годы, ознаменованные укреплением русской буржуазии, ее идеологии и одновременно усилением реакционного поветрия. С неизбежным следствием этого — упадком театральной культуры.

Щедрина-критику особенно импонировал драматургический жанр. Вот отчего он зачастую вкрапливает «сцены» в свое повествовательное творчество.

К сожалению, Щедрин как драматург не смог по вине цензуры высказаться в меру его колоссальных творческих возможностей. «Лица, представленные в этой пьесе, доказывают совершенное нравственное разрушение общества» — гласила резолюция цензора на великолепной щедринской комедии «Смерть Пазухина», посвященной показу беспроглядной мути «крутогорских» нравов. Сродни гоголевскому «Ревизору», эта пьеса находилась под запретом в течение тридцати двух лет, и лишь в год кончины автора — 1889-й — была сыграна в провинции.

При жизни Щедрина благодаря содействию И. А. Гончарова, служившего тогда в цензуре, было представлено «Утро у Хрептюгина» — сцена из «Губернских очерков».

Драматургия великого сатирика с ее углубленной содержательностью, острохарактерными, преимущественно отрицательными персонажами, красочностью языка, реальным историческим фоном, без сомнения, занимает

ведущее положение в русской драматической литературе послегоголевского периода.

В свое время завоевали успех инсценировки щедринской прозы, хотя порой и тускневшей под пером бесцеремонных драматургов. Необычайную популярность приобрела переделка разными авторами романа-хроник «Господа Головлевы».

Несмотря на цензурные препоны, сценическая история произведений Щедрина все же насчитывает немало памятных, ярких страниц.

Не приемля натурализм, Щедрин считает основополагающими для литератора, да и для всей современной художественной культуры лишь традиции реализма критического, провозгласившего нормой творчества идейность, народность, национальную самобытность. И глубокую содержательность в сочетании с полноценной формой.

Щедрин с отрадой встречает любое проявление передовой творческой инициативы. И оттого он тепло приветствует первую выставку произведений прогрессивных русских художников-передвижников и сам факт создания ими этого общества. Он восхваляет оперу Россини «Карл Смелый» на сюжет историко-героической драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» (переименованной из-за цензуры).

Непримиримый противник реакционной теории «чистого искусства», «искусства для искусства», Щедрин был уверен в том, что драматический конфликт произведе-

ния — это конфликт социальный. И каждый художник должен быть не только строго принципиальным, но и тенденциозным. Независим от рода искусства, которому он служит. Потому что «ничто в такой степени не возбуждает умственную деятельность, как сознательные симпатии и антипатии». Приближаясь, следовательно, к пониманию партийности искусства, он писал: «Я не только литератор, но и журналист, человек партии...»

Бесконечно отстраненной от этих требований первостепенной важности представляла современная ему, преимущественно ремесленная драматургия с ее благонамеренной выхолащанностью содержания, бездумным скольжением по поверхности жизни, пустой развлекательностью. Как «сбород случайностей» презирал Щедрин этот наводнивший русскую сцену низкопробный поток макулатуры... «Совестно за пьесу, совестно за театр., за автора., за актеров., за зрителя... Я понимаю трагическое положение актеров. Иметь возвышенные чувства — и тратить их на «Пасынка», воспитывать в груди целый океан любви и — обращать эту любовь к «Институтке!» Да, есть и такая драма...»

Не щадил он реакционных писак, глухих к любым позитивным сдвигам в общественном организме, к выявлению нужд и чаяний народа, готовых оболгать его и передовую молодежь, намеренно исказить их облик. И справедливо взыскивает писа-

тель даже за единичные промахи, не исключая притом и авторитетных имен.

Раздумывая о могучем влиянии идейно направленного творчества, критик обращает взгляд в прошлое русской сцены, покорявшей возвышенным, поистине очищающим, просветительским искусством Мочалова, Щепкина, Каратыгина...

Писатель ропщет и на то, что весьма легковесный, в полудейском духе репертуар, отвлекающий публику от трепетно насущных вопросов, настоятельно популяризируется властью имущими, что систематически вытесняет классику. На московской сцене даже забывает самого Островского.

И Щедрин, и Островский в союзе с другими передовыми деятелями отечественной сцены и литературы не могли примириться с продолжавшимся оскудением, застоєм в казенном театре.

Сочувствуя актерам, обреченным на безнадежное, беспрерывное единоборство с мелкотравчатыми сочинителями и тупоголовыми вимундирами, Щедрин, однако ж, не дает им никакой поправки — не допускает льгот на безвременье. Он ждет от актеров вдумчивой работы над собой, суровой художественной правды, душевного горения. И сознательно, гуманного отношения к создаваемому образу.

«Между актером и лицом, которое он изображает на сцене, — писал Щедрин, — должно быть самое близкое соотношение. Какого бы нравственного уroda не представ-

ляло изображаемое лицо, но ведь не все же оно сплошь урод, ведь и в нем основа-то человеческая. Вот на этих-то человеческих сторонах, на этой человеческой основе и мирится актер со своей ролью. Если этой основы нет, лицо делается недоступным для воплощения...»

И далее также доказывает, что «всякому уважающему себя актеру не следует приукрашивать глупые пьесы, а играть их как можно сквернее... Это отвядит плохих авторов от привычки ставить дрянные пьесы на сцену и... через это воздастся действительная дань уважения искусству. Даровитые актеры, как, например, Садовский так точно и поступают...»

А Прова Садовского почитал Щедрин величайшим из современных актеров.

Живя подолгу в провинции, в ссылке и на командных должностях, Щедрин близко узнал и многократно дальное театральное «пошехонье». О нем рассказывают и некоторые донные неблекнувшие, полные драматизма страницы в «Господах Головлевых».

Ничто не утаило от всевидящих, наметанных глаз сатирика. Убеденный в том, что в театре все должно быть в гармоническом единстве — от репертуара, его воплощения и до публики включительно, — он помышлял о зрителе передовом, демократическом, внимательном и чутком.

Говоря о разномастных паразитах, главенствовавших во всех областях обществен-

ной жизни России — от политики до искусства всех видов, Щедрин, однако, убежден, что эта вездесущая паразитирующая «тля» — публицисты, драматурги, пустомели-либералы и прочие консерваторы, «каплуны мысли» — со временем, вместе с восходом солнца, «исчезнет без следа»...

Несокрушимая, светлая вера в человека, в родной народ, в его особое историческое предназначение всегда воодушевляла, повышала творческую энергию гениального писателя-гражданина. С его необыкновенным по накалу боевым темпераментом и несгибаемым душевным максимализмом.

И свое огненное, подлинно разящее мудрое слово он адресует и современникам, и потомкам — будущим поколениям обновленной родины.

Праведный, гневный и неумный обличитель старого мира, живое олицетворение совести своего времени, направивший русскую общественную мысль на служение прогрессу, страстный печальник за судьбы народа, родины, ее культуры, Щедрин всей своей истинно подвижнической жизнью, до предела насыщенной героическим и вдохновенным трудом, доказал свою патриотическую преданность народной России. В ряду классиков всемирной сатиры он выделяется национальным своеобразием, многогранностью творческой палитры, широтой кругозора, даром предвидения. И ныне он предстает воинствующим союзником всего прогрессивного человечества в его битве против социального угнетения и мракобесия.

И оттого он особенно близок, дорог нам.

И. ЗЛОТНИКОВА.

«Сов. культура», 1976, 27 янв., №8